

УДК 130.2

ББК (Ч) 71 + (Ю) 87.2

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.

ФИЛОСОФИЯ И СЕМИОТИКА НООСФЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ (ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ)

В статье анализируются религиозные и философские аспекты ноосферной идентичности, понимаемой как соответствие той или иной культуры системе высших ценностей, сформированных моделями жизнебытия и месторазвития.

Ключевые слова: ноосферная идентичность, коэволюция религиозного сознания, веровательная идентичность, локусы культурной идентичности.

Проблема идентичности актуальна не только для России, но и для всех полиэтнических, многонациональных, поликонфессиональных государств современного мира. В течение долгого времени исследования идентичности акцентировали внимание на этно-национальных и религиозных моментах, разрабатывались вопросы, связанные с персональным измерением идентичности. Современная тенденция изучения проблемы состоит, на наш взгляд, в определении фундаментальных оснований и критериев идентичности.

Материал поступил в редакцию 13.05.2013; рекомендован к публикации 14.06.2013.
Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор социологии, профессор З. Милошевич. *Примечание:* настоящая статья является переводной. Текст статьи на сербском языке опубликован в материалах научной конференции «Религия и идентичность», прошедшей в мае 2013 года в Белграде на базе Института политических исследований [Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Философија и семиотика ноосферног идентитета: религиозни аспект (опште и посебно) // Национални идентитет и религија: Научни скуп. Београд: Институт за политичке студије, 2013. С. 9—22.]

Философско-аксиологические основания ноосферной идентичности

Каждая культура обладает своей масштабностью и форматом разумности. Мера индивидуального и коллективного разума для каждого времени также своя. Эпохи научных революций приучили человека думать, что разумность и рациональность являются синонимами. Однако в неклассической и постнеклассической моделях понимания мира разумность приобретает более широкий смысл. Она имеет общекультурный формат, то есть определяется сложной соподчиненностью художественных, религиозных, философских и научных смыслов. Разум и сознание именно в таком смысле понимается в творчестве В. И. Вернадского, в его учении о переходе биосферы в ноосферу [См.: 18].

В философии сознания соотношение категорий «сознание» и «самосознание» столь же существенно важно, как и категорий «подсознание», «сознание» и «сверхсознание». На пересечении этих категориальных координат строится не только представление о Разуме (с большой буквы) и коллективном разуме, но вся система самосознания, которая на уровне культурологии, политологии и социологии обозначается термином «идентичность». Идентичность коллективного и индивидуального разума формам конкретно-исторического бытия человечества может быть обозначена как ноосферная идентичность.

Для каждой культуры существует своя матрица ноосферности. В атеистических, материалистических и позитивистских культурах считалось, что главными характеристиками ноосферности являются научное сознание и научное мышление, в целом научная картина мира. Постнеклассическое прочтение реалий бытия современного человечества заставляет пересмотреть эту сциентистскую редукцию. Ноосферная идентичность высокоразвитых культур определяется многотысячелетними религиозными традициями. Каждая мировая религия (и культура) задает свои специфические черты поведенческой ноосферности (ноосферной этологии и праксиологии), а все вместе мировые религии дают представление о фундаментальных, глубинных смыслах человеческого бытия на протяжении универсальной истории. «Мировые религии всегда выполняют функции *реликтовых программ* поведения, общения, деятельности во вселенной человеческого бытия; философские системы (которые не умирают и всегда остаются актуальными формами) могут

рассматриваться как вечные программы прошло-настоящести, а наука предстает как система исследовательских программ настоящее-будущности» [14, с. 485].

Ноосферная идентичность формирует представление о системе работающих высших ценностей, которые сложились в универсуме человеческой религиозности и выражаются триадами «Вера — Надежда — Любовь», «Истина — Добро — Красота», «Бог — Человек — Вселенная», «Человек — Общество — Природа» [См.: 13]. Таким образом, ноосферная идентичность является экстраполяцией системы общечеловеческих ценностей, сложившейся в истории развития мировой философской мысли.

Семиологические основания ноосферной идентичности

В семиотическом плане идентичность представляет собой возможность отождествления себя («Я») с определенными большими или малыми социальными группами как отдельно взятой культуры, так и человеческого общества в целом. Критерием соотнесения себя с той иной группой является реализация типического (типичного или стереотипичного) семиотического поведения.

Глобализация, затрагивающая в настоящее время все большее количество сторон материальной и духовной жизни социума, стирает эти видимые различия, семиотические границы идентичности. Анализ языка, традиций, внешности предоставляет лишь вероятностное знание о культурной принадлежности (идентичности) личности. Идентичность выступает как атрибут соответствующего семиотического субъекта, зачастую определяемая им самим, и в этом смысле, действительно, правомерно вести речь о персональной идентичности.

Интерперсональная идентичность, т. е. возможность отождествления себя и Другого, узнавание себя в Другом, предполагает достаточно широкую критериальную базу. Интерперсональная идентичность обуславливается невидимой эквивалентностью, «тождественностью» разума, сознаний или, точнее, равнозначностью семиотических компетенций и способов реализации семиотических программ. Таким образом, эту идентичность можно определить как идентичность ноосферную.

Знакомство, освоение и использование личностью знаковых и символических единиц — это лишь первая, ступень на пути к обретению определенной идентичности. Суть ноосферной идентичности заключается не только в использовании одинаковых знаковых единиц, приверженности одним и тем же символам.

Вопрос об идентичности, если понимать его в онтогносеологическом контексте, предполагает обращение к аспектам, которые способствуют становлению мировоззренческой соотнесенности. Исследовательский акцент переносится с субстратного уровня семиотических единиц (знаков и символов), на уровень свойств и отношений в системе «миров» идентичности [См.: 16].

Ипостаси общечеловеческой идентичности

С нашей точки зрения, можно говорить о феномене обретения идентичности через освоение семиотической реальности соответствующей культуры, которая выстраивается дополнительностью четырех измерений бытия человека и социума — художественным, религиозным, философским и научным.

По В. С. Соловьеву, «воздействие искусства как на природу вещей, так и на душу человеческую допускает различные степени, может быть более или менее глубоким и сильным» [17, с. 352]. П. А. Флоренский рассматривает символы (в том числе и связанные с искусством) в качестве органов человеческого общения с реальностью. «Изображением мы видим реальность, а именем — слышим ее; символы — это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [19, с. 344]. Идентичность в этом контексте предполагает обнаружение некоторой «объективности», как основания сходности восприятия. С. Т. Махлина, проводя сравнительно-семиотический анализ сакрально-религиозных представлений шаманизма, иудаизма (каббализма), католицизма, православия, буддизма, обнаруживает одну объединяющую, системообразующую идею — идею единого Бога, «но каждый регион, каждая национальная среда приходят к этому разными путями» [10, с. 3]. С точки зрения Л. С. Леоновой, В. И. Вернадский видел в религии «особую форму культуры, духовный элемент личного бытия, возвышающий человека над мимолетным настоящим, вдохновляющий человека на осознание ценности духовных начал жизни"» [9, с. 287].

С религией непосредственно связаны такие проявления духовного бытия человека, как философия и наука. «Философское миропредставление в общем и частностях, — пишет В. И. Вернадский, — создает ту среду, в которой имеет место и развивается научная мысль» [3, с. 30]. «Мы видим только, что огромная область явлений, имеющих свой научно закономерный, теснейшим образом связанный с социальным строем, а в конечном итоге со строением биосферы — и еще более ноосферы — мир художественных построений, несводимых в некоторых частях своих, например, в музыке или зодчестве, сколько-нибудь значительно к словесным представлениям — оказывает огромное влияние на научный анализ реальности» [Там же, с. 147]. Именно в рамках этого философского знания рождается идея (эмпирическое опережающее отражение) «единства всего человечества, людей как братьев» [Там же, с. 37].

По поводу научной мысли В. И. Вернадский писал: «Мне всегда казалось — и кажется — что и моя одинокая, никому не сообщаемая мысль как факт и явление природы не исчезнет и не проходит бесследно для единого» [2, с. 220]. При этом наука и научная мысль есть «проявление действия в человеческом обществе, совокупности человеческой мысли» [3, с. 47]. Научная мысль в этом контексте выступает в качестве показателя определенной интеллектуальной идентичности.

Вместе эти мировоззренческие составляющие формируют картину окружающей реальности, соответствующую ей парадигму мышления. Если принять во внимание положение Вяч. Вс. Иванова о том, что «в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского)» [6, с. 26—38], то можно сделать вывод формирования определенной семиотической парадигмы (программы), порождающей ноосферную идентичность, идентичность парадигм мышления.

В истории русской, российской, советской интеллектуальной элиты, интеллигенции, следует обратить внимание на социокультурный потенциал (код), сосредоточенный в реализованных ее конкретными представителями (В. И. Вернадский, А. Ф. Лосев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, П. Н. Флоренский, К. Э. Циолковский и другие) семиотических программах. Изучение этих семиотических «образцов» (парадигм) заключается не столько в

копирования самих социокультурных программ, сколько в принятии семиотического кода поведения в универсуме [См.: 11].

Вероятельная идентичность: русскость как общее и особенное

Размышления о русском характере и русской душе в наше время актуальны как никогда. Причина в том, наша русскость и российскость уходит в прошлое такими быстрыми темпами, что может стать через двадцать лет она окажется не реальностью, а виртуальностью — «знаем, что было, но этого уже нет, все выморочено либо «глобализацией», либо «западнизацией» (что в наше время — фактически одно и то же). Абстрактные понятия «русскость» и «российскость» могут показаться некими несуразностями, ибо не на слуху термины «американскость» или «европейскость», «грузинскость» или «украинскость», но важно, что проблема этой торжествующей абстракционности не в лингвистических, и даже не политических аспектах, а в эколого-культурологических. Проблема в том, что эти термины обозначают то, чего уже, может быть, просто не существует. Именно поэтому и следует задать какие-то однозначные концепты, для получения смыслов. Русскость, на наш взгляд, — это этнический (национально-культурный) концепт, а российскость — это государственнический (геополитический) концепт.

Весьма вероятно, что правильно понятая русскость органично превращается в российскость: корневая русскость — это самый сильный ресурс сохранения российской государственности. Доказательством этому служат те исторические события, которые сейчас рассматриваются как прекращение «русской смуты» в эпоху «феодальной войны» (XV века) и «польско-шведской интервенции» (XVII века) [См.: 5, с. 3, 6]. «Стародубская русскость» спасла Русь первый раз от «внутренней» смуты, а затем «мугреевская русскость» (та же «стародубская») — от смуты «внешней». В течение долгого времени наше историческое сознание было оторвано от этого сакрального исторического знания и наследия, но сейчас эта старина прорастает в мир современного русского и российского мировоззрения...

Старообрядчество как идентичность: «схроны» народной русскости

Наша нынешняя история свидетельствует об обратном: не из глубинки в столицу идет смыслообразующая идея русской и российской структуры, а, наоборот, из столицы задаются концепты и смыслы бытия для «стародубской традиции». Столичная экспансия должна не только радовать, но и настораживать: деградация «региональности» и «провинциальности» для будущей России может стать — главная беда, ибо именно провинция хранит в «схронах» (подвалах, погребах, чердаках и сараях) самую нужную сегодня для возрождения русскости информацию (семиотический универсум исторической русскости и российскости).

Д. С. Лихачев в статьях «Заметки о русском» и «Экология культуры» заложил основу «инвайронментологии» и «экологии» русской культуры. Метаисторическая социокультурная программа сохранения *русского*, заложенная в жизненный путь «патриарха древнерусской культуры», станет более понятной, если мы обратимся к информации, долгое время не озвучивавшейся в СМИ. Внучка Д. С. Лихачева, отвечая на риторический вопрос «Ваш дед похож на русского немца?», рассказывает: «Нет, он по матери из старообрядческой семьи, из купцов-старообрядцев...» [«Хроники», канал «Культура», 28.11.2007]. Не из этого ли факта берет свое начало *обретение русского*? Как бы то ни было, но это дает нам возможность более внимательно перечитать все лихачевское наследие под углом главного смысла существования медвежьего угла Замосковского края — *сохранения* на территориях, примыкающих к руинам Стародубского княжества, *русского хронотопа*, который может быть обозначен как «акватория старой веры».

«Русская Атлантида», ушедшая в болота, и доселе хранит архетипы бытия старой веры. Насколько недоступной была эта территория, говорит следующий сюжет, взятый из рассказа К. Бокарева «Мужание без отцов». «...Мне подсадили ученика из деревни Гоголи. Интересный был парень. Он рассказывал о своей деревне так: «Мы там живем, как в отдельном государстве. У нас свои законы. Районное начальство мы к себе не пускаем. Приедут, кричат-кричат, чтобы их перевезли через Лух на лодке, а мы будто и не слышим. Так постоят, покричат полдня и уедут обратно. А что от них ждать — или налог какой или новый заем. А мы хорошо живем. Рыбы в реке много, сетями ловим, не удочкой. Удочка — это детская забава. Лодки и ружья в

каждом доме есть. С мясом круглый год. Хоть птица какая, хоть зверь. Завалишь лося — и всю зиму с мясом» [1, с. 106]. Вот это и есть «акватория старого обряда» — *народный рай* со своей культурой быта и бытия.

К сожалению, в наше время эта культура становится уже почти невидимой, деревенская культура во всем ее локусном разнообразии стареет в век рыночного нивелирования необычайно быстро. *Собирание и сохранение культуры русскости* может оказаться в наше время важнейшим фактором самоидентификации в условиях формирования глобальной цивилизации [См.: 7].

Локусы культурной идентичности: от «Стародубского княжества» к «Замосковному краю»

Один из локусов корневой русскости (феномен «настоящего русского», настоящего не в плане сегодняшнего, но «вечного» и неискоренимого) — это «территория старой веры», которая простирается *на восток* по Клязьме за территорию бывшего Стародубского княжества вплоть до нижегородских пределов, *на север* по Волге вплоть до Юрьевца и Унжи, *на запад* за Шую вплоть до Иваново-Вознесенска и Плеса. В более сильном варианте речь идет о совпадении «*территории старой веры*» со «страной», которую принято называть «Смирновией», включая значительную часть Костромской (Мир Сусанинских традиций) и Ярославской областей. Конечно, эта гипотеза (в том числе и то, что «Смирновия» и «*Ивания*» концептуально совпадают) требует исторической верификации, но теоретическое краеведение на нашей территории столь запущено, что любая самая необычная идея может оказаться весьма полезной для осуществления рывка в *потерянное* (как принято говорить в литературном краеведении «*потаенное*») прошлое.

Самый значительный проект по осуществлению «археологических раскопок» (к сожалению, сейчас приходится говорить именно о *раскопках*) феномена *старой и новой* замосковной русскости, российскости, советскости — это деятельность коллектива журнала «Наша Родина — Иваново-Вознесенск», во главе с М. В. Смирновым¹. Может быть, именно на этих нецензурированных страницах феномен *корневой культурной русскости*

¹ *Примечание:* см. выпуски журнала «Наша Родина — Иваново-Вознесенск» за 2006—2007 годы. Available from URL: <http://liga-ivanovo.narod.ru/nriv.htm>.

приобретает характер абсолютности, мировой открытости, которую иногда почему то называют «загадкой русской души». Имеющий «метаисторическое отношение» к истории нашего края Р. Штильмарк написал замечательную (и по нынешним временам актуальнейшую) книгу «Повесть о страннике российском» [См.: 20], в ней феномен глобальной русскости-российскости представлен как факт всемирной значимости: русскость как концепт планетарной везде-вечности (которую на современном наукообразном языке можно было бы назвать «ноосферностью»).

Тенденция культурно-языковой и семиотической экспансии «российскости» и «советскости» не только в европейский и американский мир за последние полтора-два столетия показывает, что этот процесс в масштабности своей полноты только начинается, и он необычайно беспокоит «сообщество золотого миллиарда». Именно в этом международном контексте феномен явленной русскости и российскости требует непредвзятой экспликации: мировой диалог культур в музее Д. Г. Бурылина [См.: 12], отзывчивый советский интернационализм Интердома около Куваевского леса в Иванове, глобализирующееся университетское пространство студенческой столицы Замосковского края — это все те признаки русскости и российскости, которые могут быть очень востребованными цивилизованным человечеством, готовящимся к эпохе мировой катастрофичности.

Сколько труда надо приложить краеведам и историкам, чтобы раскрыть это великое «стародубское наследие» из-под множества слоев «потемневшей олифы» истории края, сколько научных экспедиций надо снарядить, чтобы хотя бы в цифровом формате сохранить наследие предыдущего тысячелетия народной жизни! Все это заставляет задуматься о нашем реальном отношении к русскости и российскости: даже погосты уже закатаны асфальтом (в прямом и переносном смысле).

Ноосферная идентичность России строится на пересечении язычества и христианства, старой и новой веры. Феномен русскости-советскости, проявивший себя в последние полтысячелетия на пространстве, расширившемся от Стародубского княжества до Замосковского края, повелительно требует внимательного изучения.

Именно в этом, с нашей точки зрения, наиболее ярко и четко проявляется идеалистический, богочеловеческий (в смысле — не материалистический) мировоззренческий потенциал российскости. В такой направленности мысли и

деятельности раскрывается критерий российской ноосферной идентичности, а также роли ее носителей в мировом духовном развитии.

Вместо заключения

Поиск идентичности для всех субъектов глобальной истории оказывается способом выживания в условиях «дурной глобализации». Особенно это касается стран, которые находятся в точках бифуркации своей истории, что имеет место и по отношению к России и другим славянским странам. М. М. Пришвин говорил: «Не будь как все, будь как сам». Эти слова как нельзя лучше выражают сущность роли исторического субъекта в ноосферной истории [См.: 15]. Этнос, как и человек, проживая жизнь, каждую минуту становится не собой, изменяется, становится другим, но сохраняет свое имя (как сохраняет свое название река, «в которую нельзя войти дважды»). Так и Россия каждую эпоху меняет свое предназначение для мира, но остается собой.

Россия и Европа — это острая проблема, постоянно тревожащая умы российской интеллигенции. Как отмечал в 2009 году министра иностранных дел России С. В. Лавров, «...в отношениях России и других стран Европы были взлеты и падения, периоды гармоничного сосуществования и неприкрытой вражды, но за это время наша культура и история настолько переплелись, что пространство от Португалии до российского Дальнего Востока стало "полем" целостной европейской цивилизации» [См.: 8]. В силу этого идентичность, в том числе и религиозная, должна быть не полем вражды и скрытых угроз, а пространством «цветущей сложности». К выводу о том, что «многоуровневость идентичности — реалии нашего времени, и каждый уровень значим в тех или иных ситуациях» [4, с. 15], пришли участники международной конференции «Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость», проходившей в 2008 году в одном из самых (архе-)типических регионов России.

Сохранение этно-конфессиональной идентичности и процессы религиозной коэволюции представляют собой важную форму организованности ноосферной идентичности современного человечества.

Библиографический список

1. *Бокарев К.* Мужание без отцов // Откровение. Литературно-художественный альманах. 2005. № 11. С. 100—110.
2. *Вернадский В. И.* Биосфера. Мысли и наброски. М.: ИД Ноосфера, 2001. 244 с.
3. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. *Евсеев В. А.* К проблеме путей формирования общероссийской идентичности // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: Материалы международной научной конференции. Иваново—Плес, 2008. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 12—15.
5. Епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф «Святитель Митрофан Воронежский и российское духовно-культурное наследие. Выступление на круглом столе в рамках Дня Общественной палаты Ивановской области в Савинском муниципальном районе // Семейный круг: Газета. 2008. № 1.
6. *Иванов В. В.* О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
7. *Коваленко С. В., Ермолаева Л. К.* Архетипы национального характера: их место и роль в самоорганизации русского этноса. Иваново: Иван. гос. энергетический ун-т, 2008. 428 с.
8. *Лавров С. В.* О перспективах отношений между Россией и Европейским союзом. Available from URL: http://www.montreal.mid.ru/press/118_ru.html.
9. *Леонова Л. С.* «Я не могу уйти в одну науку...»: Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.
10. *Махлина С. Т.* Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2008. 172 с.
11. *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера. Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 128 с.
12. *Смирнов Г. С.* Музейная культура везде-вечности: синтез ноосферного сознания Д. Г. Бурылина // Меценаты русской провинции: история и современность. Иваново: Изд-во ИГИКМ им. Д. Г. Бурылина, 2012. С. 8—12.

13. *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
14. *Смирнов Г. С.* Религиозная коэволюция: социокультурные коллизии в глобальном и региональном пространстве // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XII Международной научной конференции. В 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. Ч. 1. С. 484—490.
15. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
16. *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
17. *Соловьев В. С.* Красота в природе // *Соловьев В. С.* Сочинения. В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 340—389.
18. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: в 2 т. М.: Философское общество СССР, 1990. Т. 1. 236 с.; Т. 2. 236 с.
19. *Флоренский П. А.* Мысль и язык // *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 109—350.
20. *Штильмарк Р.* Повесть о страннике российском. СПб.: Азбука-Кн. клуб «Терра», 1997. 349 с.